

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Михайлов Артём Сергеевич

**Взгляды К.Н. Леонтьева на будущее России по его переписке
второй половины 1880-х – начала 1890-х годов**

Специальность 5.6.1. Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2026

Диссертация подготовлена на кафедре истории России XIX века – начала XX века исторического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова

Научный руководитель – Андреев Дмитрий Александрович
доктор исторических наук, доцент

Официальные оппоненты – Котов Александр Эдуардович,
доктор исторических наук,
Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории, кафедра истории России с древнейших времен до XX века, профессор

Стогов Дмитрий Игоревич,
доктор исторических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина), Институт социально-гуманитарного и экономического образования, кафедра истории культуры, государства и права, доцент

Межуев Борис Вадимович
кандидат философских наук, доцент,
Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, философский факультет, кафедра истории русской философии, доцент

Защита диссертации состоится 25 мая 2026 года в 16:00 на заседании диссертационного совета МГУ.056.1 Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова по адресу: 119234, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, исторический факультет МГУ имени М.В.Ломоносова, ауд. А-419.

E-mail: ot-dissovet@hist.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций Научной библиотеки МГУ имени М.В.Ломоносова (Ломоносовский проспект, д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/3911>

Автореферат разослан « ____ » _____ 2026 года

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат исторических наук

О.В. Белоусова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Научная значимость и актуальность темы исследования. Несмотря на повышенный интерес в историографии последних десятилетий к идейному наследию К.Н. Леонтьева, тема взглядов этого мыслителя на будущее России остается недостаточно изученной. Появление в 1888 г. в «Вестнике Европы» статьи Вл.С. Соловьева «Россия и Европа», в которой резко критиковались высказанные Н.Я. Данилевским идеи о культурной самобытности России и содержались намеки на ее сугубо религиозное призвание стать объединительницей Западной и Восточной Церквей, заставило Леонтьева усомниться в реализуемости вынашивавшегося им до того момента учения гептастилизма. Оно предполагало создание Россией самобытной «седмистолпной» культуры, призванной сменить «одряхлевший» романо-германский культурно-исторический тип. С этого времени Леонтьев сосредоточился на продумывании различных вариантов будущего России: создание оригинальной культуры, воплощение «религиозного призвания» России и подчинение ее папству (идея Соловьева) либо установление режима «социалистического феодализма». Своими размышлениями на эту тему Леонтьев в конце 1880-х – начале 1890-х гг. делился преимущественно в переписке со своими адресатами – А.А. Александровым, К.А. Губастовым, В.В. Розановым, Т.И. Филипповым, И.И. Фуделем и др., – что обуславливает преимущественную роль для настоящего исследования именно этого вида источников. Таким образом, актуальность темы объясняется потребностью в рассмотрении основного, но при этом малоизученного вопроса в творчестве позднего Леонтьева, причем на наиболее информативном для такой проблемной фокусировки эпистолярном материале. Значимость темы объясняется тем, что предложенный в работе новый ракурс рассмотрения основных мировоззренческих установок Леонтьева в последние годы его жизни позволяет уточнить ряд устоявшихся в историографии представлений об идейных исканиях этого мыслителя в эпоху царствования Александра III.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования являются общественно-политические взгляды Леонтьева, а предметом – эволюция и специфика его воззрений на будущее России, реконструируемые по его переписке периода второй половины 1880-х – начала 1890-х гг.

Хронологические рамки исследования включают в себя временной промежуток со второй половины 1880-х и до начала 1890-х гг. Нижняя граница обусловлена появлением статьи Соловьева «Россия и Европа» в феврале 1888 г., а верхняя – смертью Леонтьева 12 ноября 1891 г.

Территориальные рамки исследования связаны с его объектом и предметом и охватывают территорию формирования эпистолярного наследия Леонтьева в обозначенный период. Это Оптина пустынь (Калужская губерния), где мыслитель жил с начала июня 1887 г., Сергиев Посад, куда он переехал 23 августа 1891 г., и Москва, в которой Леонтьев бывал наездами.

Цель и задачи исследования. Целью исследования является реконструкция взглядов Леонтьева на возможные варианты будущего России, которыми он делился со своими корреспондентами во второй половине 1880-х – начале 1890-х гг. Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие исследовательские задачи:

- определить содержание взглядов Леонтьева на прошлое и будущее России в контексте его концепта «византизма», теории «триединого процесса» и учения о симптомах «вторичного упрощительного смешения»;
- представить содержание гептастилизма, характеризующего исторические представления Леонтьева и его взгляды на будущее в 1880-е гг.;
- установить причины и обстоятельства изменения отношения Леонтьева к гептастилизму во второй половине 1880-х гг., после выхода статьи Соловьева «Россия и Европа»;
- объяснить рассматривавшиеся Леонтьевым варианты будущего России, которые он обсуждал в переписке со своими корреспондентами в последние годы жизни;

– обосновать, как Леонтьев воспринял тезис Соловьева о сугубо религиозном призвании России и как стал относиться к идеям культурного созидания, которые он разделил прежде;

– выявить сущность полемики Леонтьева с Ф.М. Достоевским вокруг «Пушкинской речи» 1880 г. и в дальнейшем продолженной им в том числе с Соловьевым.

Методологическую основу исследования составляет система общенаучных и специально-исторических методов. Концептуальной основой диссертации стали принципы историзма, научной объективности и системности.

Принцип историзма заключается в рассмотрении событий прошлого как части целостного и последовательного процесса. Мысль Леонтьева изучается в становлении, с учетом специфики ее различных этапов и факторов, повлиявших на формирование взглядов этого мыслителя. Принцип объективности заключается в рассмотрении событий и явлений прошлого в контексте того времени, когда они происходили. Соблюдение принципа системности предполагает комплексное рассмотрение фактов биографии Леонтьева и его мыслей, которые он высказывал в переписке со своими корреспондентами.

Цель и задачи исследования обуславливают также задействование историко-генетического метода, который позволяет раскрыть свойства, функции и изменения изучаемой реальности в динамике, в процессе исторического развития, что подразумевает выделение внутренних этапов становления мысли Леонтьева, очерчивание их особенностей, установление идейных влияний.

Для этого же задействовался историко-сравнительный метод, по природе своей имеющий дело скорее со статикой, чем с динамикой. Его суть сводится к выявлению аналогий, общих характерных особенностей явления или процесса.

Примененный в работе историко-типологический метод заключается в выделении признаков, составляющих существенное различие явлений, процессов или частей их обоих на основе дедуктивно-индуктивного подхода. Это особенно важно при изучении идейного наследия Леонтьева, которое, обладая всеми признаками системности и последовательности, не было выражено самим автором целиком и полностью в одном или нескольких текстах. Отсюда возникает необходимость пересобрать комплекс леонтьевских построений путем типологизации разбросанных по различным его письмам и сочинениям идей.

Историко-системный метод применительно к исследуемой теме предполагает структурно-функциональный анализ мысли Леонтьева, выявление в ней системообразующих признаков, что дает возможность выявить взаимодействие его представлений с другими мировоззренческими установками. Взгляды Леонтьева развивались не обособленно от русской консервативной мысли пореформенного периода, но были вписаны в ее социально-политический контекст.

Степень разработанности темы исследования. Дореволюционная историография проблем, касающихся темы данной диссертации, достаточно подробно освещена в статье А.П. Козырева¹, однако, учитывая специфический ракурс настоящего исследования, следует отдельно остановиться на работах следующих авторов. Они являлись современниками Леонтьева, а некоторые и непосредственно с ним общались, поэтому их оценки могут иметь и источниковую ценность, однако конкретно здесь имеет смысл рассмотреть их именно как первоначальную историографию изучаемых вопросов.

Так, И.И. Фудель писал, что Леонтьев под конец жизни разуверился во всем, кроме Церкви, признав тем самым тезис Соловьева об исключительно религиозном призвании России². В.В. Розанов остановился на всех основных

¹ *Козырев А.П.* Константин Леонтьев в «зеркала» наследников // К.Н. Леонтьев: pro et contra. Антология. В 2 кн. Кн. 1. СПб., 1995. С. 417–435.

² *Фудель И.И.* К вопросу о национальном. Самообман и ошибки // «Преемство от отцов». Константин Леонтьев и Иосиф Фудель. Переписка. Статьи. Воспоминания. СПб., 2012

взглядах Леонтьева на прошлое и будущее России³. А.А. Александров предоставил ценные биографические данные о Леонтьеве, но проблематики его представлений в последние годы жизни касался лишь поверхностно⁴. Большое значение имеют работы Е.Н. Поселянина⁵, Г.И. Замаева⁶. Л.А. Тихомиров в своих воспоминаниях обращал внимание на то, что Леонтьеву все время был присущ пессимизм относительно будущего, однако он «все-таки поддавался иллюзорной надежде на национальное возрождение России»⁷. С.Н. Дурылин сопоставлял эсхатологические представления Леонтьева и Соловьева⁸.

(Прил. к Полному собранию сочинений и писем К.Н. Леонтьева. В 12 т. Кн. 1) (Далее – «Преемство от отцов»). С. 345–355; *Он же*. Преемство от «отцов» (Письмо к кормчему «Благовеста») // Там же. С. 356–359; *Он же*. Вопросы церковной жизни. Памяти К.Н. Леонтьева // Там же. С. 359–362; *Он же*. Культурный идеал К.Н. Леонтьева // Там же. С. 362–372; *Он же*. Судьба К.Н. Леонтьева // Там же. С. 373–376; *Он же*. К. Леонтьев. О романах гр. Л.Н. Толстого // Там же. С. 376–377; *Он же*. Восточный вопрос (памяти К. Леонтьева) // Там же. С. 377–384; *Он же*. Сочинения К. Леонтьева // Там же. С. 384–387; *Он же*. К. Леонтьев // Там же. С. 387–392; *Он же*. Предисловие редактора // Там же. С. 392–396; *Он же*. Восток, Россия и славянство // Там же. С. 397–399; *Он же*. О сочинениях К. Леонтьева (Письмо в редакцию) // Там же. С. 399–400; *Он же*. К. Леонтьев и Вл. Соловьев в их взаимных отношениях // Там же. С. 400–417; *Он же*. Мое знакомство с К. Леонтьевым (письмо С.Н. Дурылину) // Там же. С. 465–466.

³ *Розанов В.В.* Эстетическое понимание истории // К.Н. Леонтьев: pro et contra. Антология. В 2 кн. Кн. 1. СПб., 1995. С. 27–122; *Он же*. О Константине Леонтьеве // Там же. С. 409–416. Другие статьи Розанова о Леонтьеве обстоятельно разобраны в: *Иванова Е.В.* Преамбула // В.В. Розанов и К.Н. Леонтьев: материалы неизданной книги «Литературные изгнанники», переписка, неопубликованные тексты, статьи о К.Н. Леонтьеве, комментарии. СПб., 2014. С. 829–836 (Далее – «Литературные изгнанники»).

⁴ См. например: *Александров А.А.* Памяти К.Н. Леонтьева // *Александров А.А.* Письма к К.Н. Леонтьеву. Стихотворения. Статьи. Воспоминания. Материалы к истории журнала «Русское обозрение». СПб., 2024 (Прил. к Полному собранию сочинений и писем К.Н. Леонтьева. В 12 т. Кн. 5). С. 241–262; *Он же*. На могиле К.Н. Леонтьева // Там же. С. 142–144; *Он же*. К.Н. Леонтьев // Там же. С. 144–147; *Он же*. Константин Николаевич Леонтьев // Там же. С. 148–151; *Он же*. Из воспоминаний о К.Н. Леонтьеве // Там же. С. 230–238; *Он же*. Памяти К.Н. Леонтьева // Там же. С. 241–261; *Он же*. Памяти К.Н. Леонтьева // Там же. С. 262–270.

⁵ *Поселянин Е.Н.* Леонтьев. Воспоминания // К.Н. Леонтьев: pro et contra. Антология. В 2 кн. Кн. 1. СПб., 1995. С. 179–199.

⁶ *Замаев Г.И.* Памяти К.Н. Леонтьева // Там же. С. 200–207.

⁷ *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. К.Н. Леонтьев // Там же. Кн. 2. СПб., 1995. С. 9.

⁸ *Резвых Т.Н.* «Апокалипсис и Россия»: эсхатологическая тема у С.Н. Дурылина // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия 2015. Вып. 3 (59). С. 83–118; Вып. 4 (60). С. 113–135; *Дурылин С.Н.* Отец Иосиф Фудель (Мои памятки и думы о нем и о том, что было ему близко) // Литературная учеба. 1996. № 3. С. 179–187.

Для дореволюционных работ характерно преобладание оценочных суждений, при этом у большинства авторов не было полного представления о творчестве Леонтьева, так как далеко не все его сочинения на тот момент были опубликованы (особенно это касается писем, многие из которых содержали купюры).

Авторы из представителей русской эмиграции во многом продолжали традиции предыдущего периода. В их работах присутствует интерес к апокалиптическим толкованиям Леонтьева и в целом к его вариантам будущего России⁹. Появилась первая обстоятельная биография этого мыслителя авторства Н.А. Бердяева¹⁰. Отдельного внимания заслуживает попытка Г.В. Флоровского типологизировать Леонтьева как романтика¹¹. В.В. Зеньковский представил более взвешенную оценку взглядов Леонтьева на историю и будущее России¹². Ю.П. Иваск при изучении биографии Леонтьева использовал приемы психоанализа¹³. И.М. Концевич подчеркивал святоотеческие истоки исторических и экклесиологических взглядов Леонтьева¹⁴.

На протяжении большей части советского периода творчеством Леонтьева занимались мало. До начала Великой Отечественной войны русские консерваторы, в частности – Леонтьев, упоминались только в критическом ключе как предтечи фашизма¹⁵. В эпоху холодной войны частые обращения авторов, относимых к «буржуазной» историографии, к русской

⁹ Струве П.Б. Константин Леонтьев // К.Н. Леонтьев: pro et contra. Антология. В 2 кн. Кн. 2. СПб., 1995. С. 180–186.

¹⁰ Бердяев Н.А. Константин Леонтьев // Там же. С. 29–279.

¹¹ Флоровский Г.В. Тупики романтизма (Заключительная глава из книги «Духовный путь Герцена») (1929) // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 2004/2005 год. М., 2007. С. 490–524; *Он же*. Пути русского богословия. М., 2009.

¹² Зеньковский В.В. История русской философии. М., 2011. С. 435.

¹³ Иваск Ю.П. Константин Леонтьев (1831–1891). Жизнь и творчество. СПб., 1995. Т. 2. С. 229–650.

¹⁴ Концевич И.М. Оптина Пустынь и ее время. Свято-Введенская Оптина Пустынь, 2008. С. 307–312.

¹⁵ Мещеряков Н.Л. У истоков современной реакции. М., 1935. Вып. 22/24. С. 427–432; Ермилов В.В. Мечта художника и действительность // Красная новь. 1939. № 1. С. 232.

консервативной мысли как идейной предшественнице советской системы заставили советских историков опровергать эти тезисы¹⁶. Вместе с тем научные труды данного времени характеризуют несколько более явственные объективность и идеологическая нейтральность по сравнению с тем, как это все преподносилось во второй четверти XX в. В годы перестройки вышла знаковая статья А.М. Салмина, представлявшая собой наиболее обстоятельное – для советского времени – исследование политической философии Леонтьева¹⁷.

В современных работах, посвященных Леонтьеву, налицо тематическая разветвленность исследовательских интересов. Эти работы можно разделить на три группы. Во-первых, работы, посвященные взглядам Леонтьева на прошлое и будущее, и его биографии общего характера¹⁸. Во-вторых, статьи о

¹⁶ Янов А.Л. Славянофилы и Константин Леонтьев // Вопросы философии. 1969. № 8. С. 97–106; Гайденоко П.П. Наперекор историческому процессу (Константин Леонтьев – литературный критик) // Вопросы литературы. 1974. № 5. С. 159–205; Голосенко И.А. Социальная философия неославянофильства // Голосенко И.А. Социологическая мысль в России: очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX века. Л., 1978. С. 227–254; Авдеева Л.Р. Философско-методологические аспекты консервативной социологии К. Леонтьева // Актуальные проблемы философии народов СССР. Вып. 9. М., 1981. С. 72–78 и др.

¹⁷ Салмин А.М. Политическая историософия Константина Леонтьева // Русская политическая мысль второй половины XIX в. М., 1989. С. 90–158.

¹⁸ Козырев А.П. Владимир Соловьев и Константин Леонтьев: диалог в поисках русской звезды // Начала. № 2. М., 1992. С. 63–74; Он же. Соловьев и гностики. М., 2007; Репников А.В. П.Н. Миллюков и К.Н. Леонтьев // П.Н. Миллюков: историк, политик, дипломат. Материалы международной научной конференции. М., 2000. С. 343–357; Володихин Д.М. «Высокомерный странник». Философия и жизнь Константина Леонтьева. М., 2000; Он же. Константин Леонтьев: русский историософ. Калуга, 2025; Хатунцев С.В. Константин Леонтьев: интеллектуальная биография. 1850–1874. СПб., 2007; Гоголев Р.А. «Ангельский доктор» русской истории. Философия К.Н. Леонтьева: опыт реконструкции. М., 2007; Долгов К.М. Восхождение на Афон. Жизнь и мирозерцание Константина Леонтьева. М., 2008; Волкогонова О.Д. Константин Леонтьев. М., 2013; Соловьев А.П. «Согласовать философию с православной религией»: идейное наследие архиепископа Никанора (Бровковича) в истории русской мысли XIX–XX веков. Уфа, 2015; Чижов М.П. Константин Леонтьев. М., 2016; Бессчетнова Е.В. Владимир Соловьев и Константин Леонтьев о бытии России: в предчувствии катастрофы. М.; СПб., 2017; Бибихин В.В. Константин Леонтьев // Бибихин В.В. Другое начало. СПб., 2017; Винюкова Н.В. Общественная и церковная деятельность И.И. Фуделя: 1864–1918: дис. ... канд. ист. наук. М., 2019; Котельников В.А. Воин мысли: Константин Леонтьев в поединке с веком. СПб., 2025 и др.

леонтьевском понимании социализма¹⁹. В-третьих, немногочисленные исследования об эсхатологических представлениях Леонтьева²⁰.

Монография О.Л. Фетисенко 2012 г.²¹ стала важнейшей вехой в изучении наследия Леонтьева. В ней исследовательница впервые опубликовала и проанализировала тексты мыслителя, связанные с концепцией гептастилизма, а также представила максимально полный на настоящее время обзор взаимоотношений Леонтьева со многими его современниками вообще и учениками в частности.

А.Э. Котов определил направление мысли Леонтьева как «реакционный романтизм». В своих статьях он останавливается также на «пророчествах» этого мыслителя о социализме, упоминая переписку с Т.И. Филипповым, оспаривает распространенное в историографии мнение (берущее начало с Бердяева) о том, что Леонтьев принадлежал к защитникам сословного начала, обращается к позднему этапу развития мысли Леонтьева на фоне отношения к национализму его ученика – о. Иосифа Фуделя. Эти выводы были также значительно расширены в монографиях А.Э. Котова²².

¹⁹ Репников А.В. В ожидании «социалистического самодержца» // Армагеддон: актуальные проблемы истории, философии, культурологии. М., 1999. С. 15–22; Сергеев С. «Окончательное смещение» или «новое созидание»? Проблема социализма в мировоззрении К.Н. Леонтьева // Роман-журнал XXI век. 2003. Вып. 7. С. 100–104; Емельянов-Лукьянчиков М.А. Константин Леонтьев о «социалистическом феодализме» в России: два сценария // 1917 год: революции в России. Материалы Всероссийской научной конференции (30 ноября – 1 декабря 2007 г.). М., 2008. С. 252–272.

²⁰ Кремнев Г. Константин Леонтьев и русское будущее // К.Н. Леонтьев: pro et contra. Антология. В 2 кн. Кн. 2. СПб., 1995. С. 683–685; Гоголев Р.А. Русский Иеремия. (Эсхатологические представления К.Н. Леонтьева) // Эсхатологический сборник. СПб., 2006. С. 203–224; Хатунцев С.В. Мотив «китайской угрозы» у К.Н. Леонтьева // Там же. С. 224–237; Котрелев Н.В. Эсхатология у Владимира Соловьева // Там же. С. 238–257.

²¹ Фетисенко О.Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики (Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX – первой четверти XX века). СПб., 2012.

²² Котов А.Э. Русская консервативная журналистика 1870–1890-х годов: опыт ведения общественной дискуссии. СПб., 2010; Он же. «Современная нефеодалная монархия»: русская консервативная печать конца XIX века в поисках национальной идеологии // Тетради по консерватизму. 2015. № 2 (4). С. 130–146; Он же. «Царский путь» Михаила Каткова: идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов. СПб., 2016; Он же. «Народность» и «сословность»: два полюса русского консерватизма // Христианское чтение. 2017. № 2. С. 288–306; Он же. Священник Иосиф Фудель и спор о национализме // Russian Colonial Studies. 2019. № 2. С. 56–75; Он же.

Д.И. Стогов изучал влияние идейного наследия Леонтьева на консерваторов начала XX в. Он подчеркивает ряд общих мест у них и их предтечи – таких, как критика либерализма, противопоставление России и Запада, неприятие национализма как антипода имперской идеи, акцент на сословности. Кроме того, историк, проанализировав осмысление византийского наследия представителями консервативных кругов начала XX в., пришел к выводу, что произведение Леонтьева «Византизм и славянство» было одним из важнейших источников формирования их позиции по данному вопросу²³.

Б.В. Межуев, специалист по философии Вл.С. Соловьева, рассматривал, в частности, соотношение русского консерватизма и идеи народного представительства, в том числе с упоминанием критики национализма Леонтьевым, отношения Соловьева к русской идее сквозь призму полемики вокруг «Пушкинской речи» Достоевского²⁴.

Отдельно следует сказать об общетеоретических работах, позволяющих глубже понять мировоззрение Леонтьева. Чтобы определить сущность консерватизма, использованы работы С. Хантингтона²⁵, К. Мангейма²⁶,

Русский политический предмодерн: забытые «консерваторы» второй половины XIX века. СПб., 2019; *Он же*. Русский национализм и православие во второй половине XIX в. // Христианское чтение. 2020. № 5. С. 248–257.

²³ *Стогов Д.И.* Русские монархисты начала XX в. о К.Н. Леонтьеве // Русско-Византийский вестник. 2022. № 4. С. 168–178; *Он же*. Русские консерваторы начала XX в. о Византии и византизме // Русско-Византийский вестник. 2025. № 1 (20). С. 120–132.

²⁴ *Межуев Б.В.* Понятие «национальный интерес» в российской общественно-политической мысли // Полис. Политические исследования. 1997. № 1. С. 5–31; *Он же*. Периодизация творчества Вл. Соловьева: историографический очерк // Владимир Соловьев: материалы и исследования. Т. 1. М., 2024. С. 9–55; *Ульянова Л.В., Межуев Б.В.* Русский консерватизм и народное представительство // Тетради по консерватизму. 2018. № 4. С. 167–177; *Межуев Б.В.* Русская идея как философская эпистема // Логос. 2025. Т. 35 (6). С. 241–266.

²⁵ *Huntington S.P.* Conservatism as an Ideology // *The American Political Science Review*. 1957. Vol. 51. No. 2. P. 454–473.

²⁶ *Mannheim K.* Conservative Thought // *Mannheim K.* Essays on Sociology and Social Psychology. London, 1953. P. 74–164.

Р.С. Уортмана²⁷, М.В. Ремизова²⁸, А.В. Репникова²⁹, В.М. Камнева³⁰. Здесь же необходимо упомянуть и публикации по тематической типологизации русской историософии³¹.

Для понимания стиля Леонтьева как составляющего элемента его эстетических воззрений важны труды А.Ф. Лосева³² и В.Б. Шкловского³³. Отдельные аспекты стиля Леонтьева разобраны в статьях А.В. Репникова³⁴, Д.В. Кунильской³⁵, О.В. Белоусовой³⁶ и др.

Для характеристики феномена симфонии (важного в контексте мыслей Леонтьева о церковном устройстве) задействованы исследования Х.Г. Бека³⁷, И.И. Соколова³⁸, прот. Иоанна Мейендорфа³⁹ и прот. В. Асмуса⁴⁰, о. А. Шмемана⁴¹, коллективная монография «Культура Византии. Вторая

²⁷ Уортман Р.С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. Т. 2. М., 2004.

²⁸ Ремизов М.В. Консерватизм и современность // Консерватизм/традиционализм: теория, формы реализации, перспектива: материалы научного семинара. Вып. 3. М., 2010. С. 6–24.

²⁹ Репников А.В. Консервативные модели российской государственности. М., 2014.

³⁰ Камнев В.М., Осипов И.Д. Политическая философия русского консерватизма. СПб., 2023.

³¹ Гачева А.Г. Философия истории Достоевского и русская религиозно-философская мысль // Литературоведческий журнал. 2002. № 16. С. 54–64; Варва В.В. Рождение философии из духа эсхатологии // Утопия и эсхатология в культуре русского модернизма. М., 2016. С. 78–91; Хренов Н.А. Утопическое сознание в России рубежа XIX–XX вв. // Там же. С. 16–41.

³² Лосев А.Ф. Теория художественного стиля // Лосев А.Ф. Учение о стиле. М.; СПб., 2019.

³³ Шкловский В.Б. Искусство как прием // Шкловский В.Б. Собрание сочинений. Т. I. Революция. М., 2019. С. 250–269.

³⁴ Репников А.В. «Эстетический аморализм» в произведениях К.Н. Леонтьева. М., 1999.

³⁵ Кунильская Д.В. «Литературный» Византизм в романе К.Н. Леонтьева «Одиссей Полихрониадес» // Проблемы исторической поэтики. 2013. № 11. С. 256–267; Она же. Античная и христианская традиции в романе «Одиссей Полихрониадес» К.Н. Леонтьева // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 1 (162). С. 102–105.

³⁶ Белоусова О.В. Русское и имперское во второй половине XIX – начале XX в.: конфликт или единство? // Российская история. 2025. № 6. С. 219–223.

³⁷ Beck H.-G. Das byzantinische Jahrtausend. München, 1978.

³⁸ Соколов И.И. О византизме в церковно-историческом отношении: вступительная лекция по кафедре истории греко-восточной Церкви, прочитанная в Санкт-Петербургской духовной академии 1 ноября 1903 года // Христианское чтение. 1903. № 12. С. 733–775.

³⁹ Мейендорф И. Византийское наследие в Православной церкви. Киев, 2007.

⁴⁰ Асмус В., прот. Отношения Церкви и государства по законам императора Юстиниана I (Великого). – URL: <http://www.pravoslavie.ru/37859.html> (дата обращения: 20.05.2020).

⁴¹ Шмеман А., прот. Догматический союз. Вступительная лекция в курс истории Византийской церкви, прочитанная 11 октября 1945 года // Шмеман А., прот. Собрание статей, 1947–1983. М., 2011. С. 604–615.

половина VII – XII в.»⁴², а также работы И.П. Медведева⁴³; А.Г. Бондача⁴⁴, Ж. Дагрона⁴⁵, С.С. Аверинцева⁴⁶, П.В. Кузенкова⁴⁷, Э. Фегелина⁴⁸ Б.А. Успенского⁴⁹ и Г.В. Бежанидзе⁵⁰.

Вследствие того, что Леонтьев в последние годы жизни регулярно в переписке возвращался к теме его полемики с Достоевским вокруг «Пушкинской речи» в 1880 г., рассмотрены наиболее значимые исследования, в которых затрагивается этот знаковый текст писателя⁵¹.

⁴² Культура Византии. Вторая половина VII – XII в. М., 1989.

⁴³ *Медведев И.П.* Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001.

⁴⁴ *Бондач А.Г.* Исагога // Православная энциклопедия. Т. 27. М., 2011. С. 50–52.

⁴⁵ *Дагрон Ж.* Император и священник: этюд о византийском «цезарепапизме». СПб., 2010.

⁴⁶ *Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. СПб., 2004.

⁴⁷ *Кузенков П.В.* Канонический статус Константинополя и его интерпретация в Византии // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. 2014. № 53 (3). С. 25–51.

⁴⁸ *Фегелин Э.* Новая наука политики. Введение. СПб., 2021.

⁴⁹ *Успенский Б.А.* Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998.

⁵⁰ *Бежанидзе Б.В.* Рецепция византийского концепта «благой симфонии» в русской богословско-политической мысли XI–XVII веков. М., 2025.

⁵¹ *Мережковский Д.С.* Пророк русской революции: к юбилею Достоевского. СПб., 1906; *Булгаков С.Н.* Очерк о Ф.М. Достоевском // *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений. 6-е издание. Т. 1. СПб., 1906. С. III–XL; Достоевский и К. Леонтьев: дискуссия в «Вольфиле» // *Достоевский: материалы и исследования.* Т. 15. СПб., 2000. С. 407–462; *Комарович В.Л.* «Мировая гармония» Достоевского // *Комарович В.Л.* «Весь устремление»: статьи и исследования о Ф.М. Достоевском. М., 2018. С. 129–152; *Он же.* «Братья Карамазовы». Новые исследования и материалы // Там же. С. 311–438; *Гальцева Р.П.* Раскол в консерваторах: Ф.М. Достоевский, Вл. Соловьев, И.С. Аксаков, К.Н. Леонтьев, К.П. Победоносцев в споре об общественном идеале // Неоконсерватизм в странах Запада: реферативный сборник. М., 1982. Ч. 2. С. 227–295; *Рабкина Н.А.* Антигерой Достоевского и штрихи реальной истории // *Известия АН СССР.* 1984. Т. 43. № 4. С. 315–326; *Буданова Н.Ф.* Достоевский и Константин Леонтьев // *Достоевский: материалы и исследования.* Т. 9. Л., 1991; *Она же.* «И свет во тьме светит...» (К характеристике мировоззрения и творчества позднего Достоевского). СПб., 2012. С. 199–223; *Бочаров С.Г.* Леонтьев и Достоевский // *Бочаров С.Г.* Вещество существования: филологические этюды. М., 2014. С. 238–297; *Гайденок П.П.* Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М., 2001; *Котельников В.А.* Средневековые Достоевского // *Достоевский: материалы и исследования.* Т. 16. СПб., 2001. С. 23–30; *Он же.* Теология истории Иоахима Флорского в рецепциях Ф. Достоевского и З. Красиньского // *Вопросы философии.* 2011. № 4. С. 122–128; *Гачева А.Г.* Ф.М. Достоевский и Н.Ф. Федоров: встречи в русской литературе. М., 2008 и др. ее работы; *Елепова М.Ю., Ларионова О.А.* Ф.М. Достоевский и Н.Ф. Федоров: к вопросу об эсхатологических исканиях Ф.М. Достоевского // *Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки.* 2008. № 1. С. 55–59; *Ореханов Г., свящ., Постернак А., свящ.* Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский и К.Н. Леонтьев: смысл и значение спора о «розовом христианстве» // *Ярославский педагогический вестник.* 2011. Т. I. № 3 (Гуманитарные науки). С. 34–40; *Ореханов Г., свящ.* «Лермонтов русской

В зарубежной историографии можно выделить работы Х. Кона⁵², Э. Тадена⁵³, Дж. Клайна⁵⁴, в которых взгляды Леонтьев рассматривались в контексте русской консервативной мысли. Особенно ценной представляется вышедшая недавно монография Г. Кронины, целиком посвященная Леонтьеву⁵⁵.

Источниковую базу исследования можно разделить на пять групп: 1) переписка Леонтьева; 2) публицистические работы Леонтьева; 3) тексты, раскрывающие учение гептастилизма; 4) материалы по спору вокруг «Пушкинской речи» Достоевского; 5) публицистику ближайших собеседников Леонтьева в последние годы его жизни.

В диссертации использовано наиболее полное на данный момент Полное собрание сочинений и писем (далее – ПССиП) Леонтьева⁵⁶.

Источники первой группы исключительно важны, так как в своей переписке Леонтьев откровенно обсуждал вопросы, относившиеся к его представлениям о будущем России.

Так, главными темами переписки Леонтьева и Т.И. Филиппова, крупного государственного и церковного чиновника, были вопросы

философии»: новая жизнь дискуссии о «розовом христианстве» // Христианство и русская литература. Сб. 8. СПб., 2017. С. 129–158; *Париллов О.В.* Хилиастические мотивы в творчестве Ф.М. Достоевского, сформированные под влиянием концепции всемирной теократии В.С. Соловьева // Соловьевские исследования. 2013. № 2 (38). С. 17–27; *Золотарев А.В.* Спор Леонтьева и Соловьева о хилиастических идеях Достоевского: вхождение темы Апокалипсиса в круг проблем русской философии // Соловьевские исследования. 2018. № 2 (58). С. 6–20 и др. его работы; *Даренский В.Ю.* Эсхатология Ф.М. Достоевского // Acta eruditorum: научные доклады и сообщения. 2023. Вып. 43. С. 111–122; *Лурье В.М.* Социалистическая эсхатология: приношение Достоевского поздним славянофилам // Достоевский: материалы и исследования. Т. 24. СПб., 2024. С. 38–86; *Макарова А.В.* «Хранитель благочестия»: судьба цитаты из «Окружного послания» Восточных Патриархов 1848 года в русской религиозной мысли синодального периода // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2025. № 122. С. 131–146 и др.

⁵² *Kohn H.* The Mind of Modern Russia. Historical and Political Thought of Russia's Great Age. New Brunswick, New Jersey, 1955.

⁵³ *Thaden C.E.* Conservative Nationalism in Nineteenth-Century Russia. Seattle, 1964.

⁵⁴ *Kline G.L.* Religious and Anti-Religious Thought in Russia. Chicago & London, 1968.

⁵⁵ *Cronin G.* Disenchanted Wanderer: The Apocalyptic Vision of Konstantin Leontiev. Ithaca, 2021.

⁵⁶ *Леонтьев К.Н.* ПССиП. В 12 т. [19 кн.]. СПб., 2000–2021.

соотношения веры и эстетики, полемики Леонтьева и Соловьева по поводу призвания России (культурного или только религиозного)⁵⁷.

В переписке с религиозным философом, публицистом и литературным критиком В.В. Розановым обсуждались такие аспекты историософии Леонтьева, как соотношение науки и религии, христианства и эстетики, а также мистика и роль мистических сект. Леонтьев делился со своим корреспондентом собственным видением будущего России⁵⁸.

В переписке с о. Иосифом Фуделем (студентом юридического факультета Московского университета, публицистом, общественным деятелем, рукоположенным в священнический сан в 1889 г.) обсуждалось современное состояние науки и Церкви, в ней также отражена полемика с Соловьевым, и рассматриваются перспективы создания новой культуры⁵⁹.

Переписка Леонтьева с поэтом, впоследствии приват-доцентом Московского университета А.А. Александровым особенно ценна тем, что в ней Леонтьев подробно излагал свои взгляды на будущее России, включая эсхатологический и социалистический варианты⁶⁰.

В письмах к дипломату и историку К.А. Губастову Леонтьев затрагивал тему создания новой культуры, полно и ярко обрисовывал апокалиптическую перспективу (детально останавливаясь на роли научно-технического прогресса) и перспективу социалистическую⁶¹.

В работе проанализированы письма и других лиц из круга Леонтьева – таких, как юрист и публицист Н.А. Уманов, филолог, публицист и будущий политик консервативного толка Я.А. Денисов, болгарский писатель

⁵⁷ Пророки Византизма: переписка К.Н. Леонтьева и Т.И. Филиппова (1875–1891). СПб., 2012; *Леонтьев К.Н.* ПССиП. Т. 12. Кн. 1. СПб., 2020; *Он же.* Там же. Кн. 2. СПб., 2020; *Он же.* Там же. Кн. 3. СПб., 2021.

⁵⁸ Переписка К.Н. Леонтьева и В.В. Розанова // «Литературные изгнанники». С. 203–309; *Леонтьев К.Н.* ПССиП. Т. 12. Кн. 3.

⁵⁹ Переписка К.Н. Леонтьева и И.И. Фуделя // «Преемство от отцов». С. 61–330.

⁶⁰ *Леонтьев К.Н.* ПССиП. Т. 12. Кн. 1; *Он же.* Там же. Кн. 2; *Он же.* Там же. Кн. 3; *Александров А.А.* Письма к К.Н. Леонтьеву. Стихотворения. Статьи. Воспоминания. Материалы к истории журнала «Русское обозрение». С. 61–121.

⁶¹ *Леонтьев К.Н.* ПССиП. Т. 12. Кн. 2; *Он же.* Там же. Кн. 3; *Губастов К.А.* Письма К.Н. Леонтьеву. Статьи. СПб., 2025. С. 25–217.

Н.Г. Геров, поэт А.А. Фет, публицист Л.А. Тихомиров, писатель Вс.С. Соловьев и др., которые также опубликованы в ПССиП. Отдельно следует упомянуть и переписку Леонтьева со студентом-историком И.И. Кристи⁶². Хотя письма самого Леонтьева к Кристи не обнаружены, этот источник важен для понимания концепции гептастилизма.

Источники второй группы подразделяются на четыре подгруппы: 1) сочинения, в которых раскрываются базовые аспекты историософии Леонтьева и в которых отразились важнейшие изменения в развитии его мысли⁶³; 2) статьи, посвященные проблематике национализма⁶⁴; 3) статьи, позволяющие выяснить отношение Леонтьева к технике⁶⁵; 4) работы, в которых затрагивается большое количество разнообразных тем, имеющих отношение к историософии⁶⁶.

Третью группу источников составляют неопубликованные при жизни тексты, относящиеся к концепции гептастилизма. В них Леонтьев излагал мысли о своеобразной культуре, о прогрессе и науке, об «окончательной гармонии» и о социализме⁶⁷.

⁶² Кристи И. Письма к К.Н. Леонтьеву. Статьи. СПб., 2016. С. 53–141.

⁶³ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. ПССиП. Т. 7. Кн. 1. СПб., 2005. С. 300–443; Он же. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // Там же. Т. 8. Кн. 2. СПб., 2009. С. 159–234.

⁶⁴ Он же. Владимир Соловьев против Данилевского // Там же. Кн. 1. СПб., 2007. С. 316–391; Он же. Владимир Соловьев против Данилевского <незавершенные главы> // Там же. С. 392–413; Он же. <Черновой вариант XIII главы статьи «Владимир Соловьев против Данилевского»> // Там же. Кн. 2. С. 203–229; Он же. Национальная политика как орудие всемирной революции // Там же. Кн. 1. С. 497–548; Он же. Плоды национальных движений на Православном Востоке // Там же. С. 549–624; Он же. Культурный идеал и племенная политика // Там же. Кн. 2. С. 21–56; Он же. Культурный идеал и племенная политика <фрагменты ранней редакции> // Там же. С. 230–244; Он же. Кто правее? // Там же. С. 57–179.

⁶⁵ Он же. Знакомство с Лессепсом // Там же. Кн. 1. С. 142–148; Он же. Епископ Никанор о вреде железных дорог, пара и вообще об опасностях слишком быстрого движения жизни // Там же. С. 149–158.

⁶⁶ Он же. Не кстати и кстати // Там же. С. 625–637; Он же. «Московские ведомости» о двоевластии // Там же. Кн. 2. С. 7–20; Он же. Над могилой Пазухина // Там же. Кн. 1. С. 445–460; Он же. Сочувствие и содействие // Там же. С. 241–255; Он же. Добрые вести // Там же. С. 414–444; Он же. Чужим умом // Там же. С. 483–497.

⁶⁷ Он же. <О культурном своеобразии и пределах развития науки. Фрагмент статьи «Прогресс и развитие»> // Там же. Т. 12. Кн. 3. С. 267–271; Он же. <Фрагмент первой редакции «Афонских писем»> // Там же. С. 271–272; Он же. Афон и его устройство // Там

К четвертой группе принадлежат источники, касающиеся спора вокруг «Пушкинской речи» Достоевского: статья Леонтьева «Наши новые христиане»⁶⁸, пометки Леонтьева на полях брошюры Соловьева «Три речи в защиту Достоевского»⁶⁹.

Для понимания контекста полемики Леонтьева и Достоевского необходимо также обратиться к письмам Достоевского к Н.П. Петерсону от 24 марта 1878 г.⁷⁰ и к К.П. Победоносцеву от 16 августа 1880 г.⁷¹, черновому автографу писателя «Ответ Градовскому»⁷², его черновым тетрадям к «Бесам»⁷³, роману «Братья Карамазовы» (спору в келье старца Зосимы о государстве и Церкви)⁷⁴ и к ряду статей из «Дневника писателя»⁷⁵. Поскольку к полемике был причастен также Соловьев, важно учитывать и его публицистические работы, относящиеся к данной теме⁷⁶.

же. С. 272–275; *Он же*. <Фрагменты, не вошедшие в VIII главу «Писем о Восточных делах»> // Там же. С. 275–278; *Он же*. <О новой культуре> // Там же. С. 279–281; *Он же*. Общие основания // Там же. С. 281–282; *Он же*. Эптастилизм, или Учение о семи столпах Новой Восточной Культуры // Там же. С. 282–289; *Он же*. Эптастилизм. Афонские порядки // Там же. С. 289–293; *Он же*. Афон как образец реального, но не реалистического социализма // Там же. С. 293–298; *Он же*. Денисову. 7 Столпов новой культуры // Там же. С. 298–300; *Он же*. <Фрагменты черновой редакции статьи «О всемирной любви»> // *Фетисенко О.Л.* Указ. соч. С. 118–120.

⁶⁸ *Леонтьев К.Н.* Наши новые христиане // *Леонтьев К.Н.* ПССиП. Т. 9. СПб., 2014. С. 165–226; *Он же*. <Фрагменты, не вошедшие в статью «О всемирной любви»> // Там же. С. 401–406.

⁶⁹ *Микосиба М.* О пометах К. Леонтьева на полях брошюры Вл. Соловьева «Три речи в память Достоевского» // *Соловьевские исследования*. 2004. № 1 (8). С. 32–55.

⁷⁰ *Достоевский Ф.М.* Письмо к Н.П. Петерсону от 24 марта 1878 г. // *Он же*. Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. 30. Кн. 1. Письма, 1878–1881. Л., 1988. С. 13–15.

⁷¹ *Он же*. Письмо к К.П. Победоносцеву от 16 августа 1880 г. // Там же. С. 209–210.

⁷² *Он же*. Черновой автограф «Ответа Градовскому» // Там же. Т. 26. Дневник писателя. Август 1880. Л., 1974. С. 323.

⁷³ *Он же*. Бесы. Подготовительные материалы // Там же. Т. 11. Л., 1974. С. 58–308.

⁷⁴ *Он же*. Братья Карамазовы. Книги 1–10 // Там же. Т. 14. Л., 1976. С. 5–510; *Он же*. Братья Карамазовы. Книги 11–12. Эпилог. Рукописные редакции // Там же. Т. 15. Л., 1976. С. 5–390.

⁷⁵ *Он же*. Дневник писателя. Июнь 1876 г. // Там же. Т. 23. Дневник писателя 1876. Май – октябрь. Л., 1981. С. 30–54; *Он же*. Дневник писателя. Январь 1881 г. // Там же. Т. 27. Дневник писателя 1881. Автобиографическое. Dubia. Л., 1984. С. 5–175.

⁷⁶ *Соловьев В.С.* Заметка в защиту Достоевского от обвинений в «новом» христианстве // *Соловьев В.С.* Сочинения. В 2 т. Т. 2. М., 1988. С. 319–323; *Он же*. Заметка по поводу новых христиан // *Русь*. 1883. 1 мая. № 9. С. 39–43; *Он же*. Три речи в память Достоевского: 1881–1883 гг. М., 1884; *Он же*. Россия и Вселенская Церковь. М., 1911; *Он же*. Три разговора о

В пятую группу входят два источника, не предназначенные для публикации, которые Леонтьев переслал Розанову: «тетради с наклейками»⁷⁷, где были собраны газетные вырезки с отзывами на публикации Леонтьева, и тетрадь с заметками на разные темы⁷⁸, позволяющими уточнить представление о мировоззрении позднего Леонтьева.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые комплексно рассматриваются взгляды Леонтьева на будущее России, отраженные в его переписке второй половины 1880-х – начала 1890-х гг. Во-первых, определены основы таких представлений этого мыслителя в рамках предложенного им концепта «византизма», теории «триединого процесса» и мыслей о симптомах «вторичного упрощительного смещения». Во-вторых, изложено содержание гептастилизма, являвшегося главной мировоззренческой установкой Леонтьева в период с начала и до конца 1880-х гг. В-третьих, раскрыты причины и охарактеризованы обстоятельства отхода мыслителя от гептастилизма во второй половине 1880-х гг. в связи с публикацией статьи Соловьева «Россия и Европа». В-четвертых, проанализированы представления Леонтьева о будущем России, изложенные им в переписке в последние годы жизни. В-пятых, доказано, что Леонтьев не принял тезис Соловьева об исключительно религиозном призвании России и не отказался в полной мере от своих идей культурного созидания. В-шестых, выявлена сущность полемики Леонтьева с Достоевским вокруг «Пушкинской речи» 1880 г. и впоследствии продолженная им в его спорах с Соловьевым.

Теоретическая значимость исследования сводится к тому, что его выводы позволяют расширить научные представления о слабо освещенном в историографии позднем этапе историософии Леонтьева, что важно для оценки как его идейного наследия, так и в целом русской мысли второй половины XIX в.

войне, прогрессе и конце всемирной истории // *Соловьев В.С.* Сочинения. В 2 т. Т. 2. С. 635–763.

⁷⁷ *Леонтьев К.Н.* Тетради с наклейками // «Литературные изгнанники». С. 309–828.

⁷⁸ *Он же.* Отрывки и разные мысли. 1889 // *Леонтьев К.Н.* ПССиП. Т. 12. Кн. 3. С. 303–323.

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использовать содержащиеся в нем сведения и заключения при подготовке новых научных работ и для разработки общих и специальных курсов по истории России XIX в., а также соответствующих учебных пособий и для культурно-просветительской работы.

Достоверность исследования обеспечивается широтой и разнообразием источниковой базы, которая включает в себя переписку, статьи из периодических изданий, их черновые версии и прочие материалы личного происхождения – такие, как маргиналии, оставленные Леонтьевым на книгах, свидетельства современников, а также комплексным обобщающим анализом указанных материалов и контекстуализацией результатов исследования в рамках имеющейся обширной историографии по заявленной теме.

Апробация результатов исследования. Диссертация прошла обсуждение на кафедре истории России XIX века – начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова и была рекомендована к защите.

Основные положения и результаты диссертационного исследования были представлены на научных конференциях и опубликованы в 4 научных статьях общим объемом 5,6 п.л. в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В.Ломоносова по группе специальностей 5.6. Исторические науки.

Структура исследования организована в соответствии с проблемно-хронологическим принципом. Работа состоит из введения, четырех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы. Общий объем диссертации составляет 268 страниц.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В центре взглядов Леонтьева на прошлое и будущее России, представлявших собой цельную систему, стояли концепция «византизма» и теория «триединого процесса». Из этой теории следовало, что история представляет собой смену культурно-исторических типов. Отсюда конец

истории мыслился неизбежным, однако при этом утверждалось, что он может быть отсрочен актами культурного созидания (путем создания нового славяно-восточного культурно-исторического типа) либо приостановлен на время консервативной политикой, то есть удержанием наступления последней фазы «вторичного смесительного упрощения» (на уровне конкретного государственного образования и на уровне всемирном).

2. Изменения внутривосточного курса в начале царствования Александра III Леонтьев расценивал как «спасительную реакцию». Эти изменения вселили в него надежду на построение оригинального семиосновного (гептастилистского) славяно-восточного культурно-исторического типа.

3. Надежды Леонтьева на создание новой культуры, связанные с учением о гептастилизме, существенно поколебались в 1888 г. в ходе полемики с Соловьевым, критиковавшим теорию Данилевского и утверждавшим, что призвание России является сугубо религиозным, а не культурным. С этого времени Леонтьев начал мыслить будущее России разновариантно.

4. К вариантам будущего России, которые Леонтьев обсуждал в своей переписке в конце 1880-х – начале 1890-х гг., относились: создание оригинальной культуры, объединение с Католической церковью (идея Соловьева), установление «монархического социализма» либо слияние с «обще-европейской федерацией» и последующий эсхатологический финал, то есть переход к завершающей стадии всеобщего смешения, когда все культурно-исторические типы сливаются в один усредненный.

5. Леонтьев в обозначенный период не отказался полностью от идей «культурного созидания» и не принял как единственно верный тезис Соловьева об исключительно религиозном призвании России, продолжая в письмах своим знакомым выражать надежды на построение новой культуры. При этом он сместил акцент на попытку задержания стремительно наступающей третьей фазы всеобщего смешения и все чаще писал об отсрочке

неизбежного так или иначе конца света уже не на 1000–1200 лет, что составило бы полноценный период существования цивилизации, но на гораздо меньший срок.

б. В рамках полемики вокруг «Пушкинской речи» Леонтьев обвинял Достоевского в приверженности «розовому христианству», проницательно намекая тем самым на идейные истоки его воззрений в виде французского утопического социализма. Однако Леонтьев не подразумевал жесткой увязки миллениаристской мечты со страстным русским православным мессианизмом Достоевского. При этом о хилиазме Достоевского было известно Соловьеву, который, приняв участие в споре против Леонтьева, из полемических соображений настаивал на ортодоксальности взглядов автора «Пушкинской речи».

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** указываются научная значимость и актуальность темы исследования, обозначаются объект и предмет работы, указываются ее хронологические и территориальные рамки, цель и задачи, характеризуются методология исследования, степень разработанности изучаемых проблем, а также источниковая база диссертации, оцениваются ее научная новизна, теоретическая и практическая значимость, обосновывается достоверность работы, приводится информация об апробации результатов проведенного исследования и о его структуре, указываются основные положения, выносимые на защиту.

В **первой главе** – «Эволюция исторических воззрений К.Н. Леонтьева в поздний период его жизни» – показывается, что мысль Леонтьева обладала всеми признаками системности. На материалах его переписки с Фуделем, Александровым и другими собеседниками, публицистики и прочих источников рассматриваются основы взглядов этого мыслителя на исторический процесс и будущее с особым акцентом на позднем периоде его жизни, рассматриваются причины трансформации этих взглядов.

В первом параграфе – «К.Н. Леонтьев как консерватор: критерии и границы классификаций, стилистические и мировоззренческие маркеры» – характеризуется место Леонтьева среди других консервативных мыслителей второй половины XIX в., определяется его своеобразие и фиксируется проблематичность типологизации, пересматриваются традиционно предлагаемые в историографии классификации, демонстрируются и анализируются уникальные черты стиля Леонтьева, что позволяет конкретизировать ряд моментов его мировоззрения, обосновывается систематичность его взглядов.

Во втором параграфе – «Развитие понятийного аппарата К.Н. Леонтьева и формулирование им тезиса об истории как смене культурно-исторических типов» – указываются этапы становления мировоззрения Леонтьева и на этом фоне обосновывается уникальность последнего периода его творчества. На материале переписки и публицистики проясняется сущность ключевых для его представлений понятий – таких, как «культурно-исторический тип», «культура», «византизм», «движение». На основе переписки с Фуделем освещается формулирование Леонтьевым в конце 1880-х – начале 1890-х гг. тезиса об истории как смене культурно-исторических типов, что Леонтьев считал своим главным привнесением в теорию Данилевского.

В третьем параграфе – «Характеристика симптомов “вторичного упрощительного смешения” в переписке К.Н. Леонтьева 1888–1891 гг.» – на основе корреспонденции Леонтьева исследуются идейные предпосылки трансформации его воззрений на будущее России, впоследствии спровоцированной выходом в 1888 г. статьи Соловьева «Россия и Европа», а именно, изучаются явления, свидетельствующие о вступлении в активную фазу последней стадии (в соответствии с теорией «триединого процесса»), среди которых указываются индивидуализм, научный прогресс и бурное развитие техники. Кроме того, рассматривается решение Леонтьевым

проблемы соотношения унифицирующего либерально-эгалитарного прогресса и христианского универсализма.

Во **второй главе** – «Гептастилизм – основная система взглядов К.Н. Леонтьева 1880-х гг.» – характеризуется сущность идеи создания «семиосновной» (гептастилистской) культуры, изучаются ключевые «столпы», содержательная сторона которых сводилась к четырем основам – религиозной, политической, культурной (эстетической) и экономической (жесткая организация общества, тесная связь с социалистическими учениями). В главе анализируются эти основы в том виде, в каком они существовали в представлениях Леонтьева до его идейного поворота в 1888 г., при этом основа политическая (создание «Великого Восточного союза», четвертый столп) рассматривается вместе с религиозной (столп первый – «Сосредоточенное в Царьграде Православие») ввиду их тесной взаимосвязи и взаимной обусловленности. Проясняется исторический и идейный контексты предлагавшихся Леонтьевым основ будущей культуры.

Первый параграф – «Царьград, секты и роль России: истоки и контекст религиозной основы гептастилизма» – посвящен изучению религиозной составляющей воззрений Леонтьева. В параграфе проясняется, как в личной переписке и других источниках отражались идеи «Восточного союза» и сосредоточения православия в Царьграде, представления о роли России на Ближнем Востоке и о значении религиозных сект в контексте будущей трансформации мировоззрения мыслителя. Проводится сопоставление религиозно-политических представлений Леонтьева со взглядами на ту же проблематику, высказывавшимися его современниками. Обозначаются истоки двух ключевых вариантов концепции симфонии властей (Юстиниана I и патриарха Фотия), а также идей пентархии, цезарепапизма и папоцезаризма, нашедших отражение в построениях Леонтьева.

Во **втором параграфе** – «Экономическая основа будущей культуры и социализм» – разбирается отражение в мировоззрении Леонтьева социалистических идей. Показывается, что именно в этой идеологии он видел

хозяйственно-экономические принципы организации общества, которые сводились к принудительной организации владельческих прав и труда, определению максимума и минимума неотчуждаемой собственности, преобладанию «личных майоратов и богатых общин» и к «приостановке излишней подвижности экономической жизни», то есть к «ограничению личной свободы и организации нового и прочного юридического неравенства».

В третьем параграфе – ««Культурный идеал» в действии: организация быта, придворный костюм и борьба со стилистическим смешением» – анализируются значение стилистического разнообразия для создания самобытной славяно-восточной культуры и соотношение глобальной унификации стиля с финальной стадией «триединого процесса». Изучается идея введения национального стиля одежды при дворе с опорой в том числе на переписку с Фетом. С использованием ранней переписки и некоторых публицистических работ демонстрируются истоки отношения Леонтьева к стилистической проблематике, в том числе в контексте стремления этого мыслителя организовать свою жизнь в соответствии с «культурным идеалом».

В третьей главе – «Кризис гептастилистской утопии (февраль 1888 г.) и переход к осмыслению различных вариантов будущего России» – с привлечением переписки с корреспондентами Леонтьева в указанный период, а также его публицистики исследуется влияние тезиса Соловьева об исключительно религиозном призвании России на переосмысление Леонтьевым концепции семиосновной культуры.

В первом параграфе – «Реакция К.Н. Леонтьева на публикацию статьи Вл.С. Соловьева “Россия и Европа”» – последовательно освещается аргументация Соловьева о невозможности для России реализации «культурного призвания», выраженная в его работе «Россия и Европа» и в более поздних трудах. Анализируется, как эти обстоятельства отражались в корреспонденции Леонтьева и в его статьях. На основании широкого

источникового материала показывается, что Леонтьев не окончательно принял тезис Соловьева, однако пересмотрел свое мировоззрение.

Во втором параграфе – «К.Н. Леонтьев об альтернативных вариантах будущего России» – рассматриваются различные предсказываемые Леонтьевым в его переписке варианты будущего России (по-прежнему сохранявшая актуальность идея культурного созидания, установление режима «социалистического феодализма», слияние православия с папством, окончательное «всесмещение»), их предпочтительность и значение в контексте его теории «триединого развития» и концепции понимания истории как смены исторических типов.

В третьем параграфе – «Поздние редакции гептастилизма» – изучаются изменения отношения Леонтьева к содержанию ключевых столпов гептастилистского учения. Показывается, что все они сохранились в том или ином виде, однако наиболее полно – церковное преобразование на Востоке по синодальному («аристократическому») пути либо по папскому («монархическому», то есть патриаршему), а также варианты, связанные со становлением «социалистического феодализма» в России, что соответствовало экономическому столпу.

В четвертой главе – «К.Н. Леонтьев в идейных дискуссиях 1880-х – начала 1890-х гг.: Ф.М. Достоевский, Вл.С. Соловьев, П.Е. Астафьев» – исследуются по переписке Леонтьева его споры с Достоевским по поводу «Пушкинской речи» в 1880 г., продолжение в дальнейшем данной дискуссии Соловьевым, а также разногласия с П.Е. Астафьевым по национальному вопросу.

В первом параграфе – «Полемика К.Н. Леонтьева с “Пушкинской речью” Ф.М. Достоевского и хилиазмом Вл.С. Соловьева» – характеризуется ход спора Леонтьева с Достоевским, обозначается восприятие тезиса автора «Пушкинской речи» об установлении «всеобщей гармонии», исследуется идейное содержание построений Достоевского, анализируется участие в этом споре Соловьева на протяжении 1880-х и в начале 1890-х гг.

Во **втором параграфе** – «Спор К.Н. Леонтьева с П.Е. Астафьевым» – изучается отношение Леонтьева к национализму на материале его дискуссии по переписке с Астафьевым. Показывается, что стержнем спора обоих мыслителей стало утверждение Леонтьева о том, что идеи либерально-эгалитарного прогресса и национализма тесным образом взаимосвязаны. Исследуются причина резкого неприятия Астафьевым идей Леонтьева.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В **заключении** представлены итоговые обобщения и выводы по теме исследования в соответствии с поставленными задачами.

Во-первых, в системе взглядов Леонтьева культурно-исторические типы (наиболее «реализованные» из них назывались им культурами) подчинены органическим законам, на которые распространяется теория «триединого процесса» (прохождение стадий от «первичной простоты» к «цветущей сложности» и далее – к «вторичному смешению»). При этом Леонтьев считал, что самым важным элементом, который он привнес в доктрину Данилевского, была акцентуация факта смены одной культуры другой, утверждение о том, что история есть смена культурно-исторических типов, и радикальные выводы из этого утверждения. Таким образом, одну отжившую культуру должна сменить другая – молодая и полная сил. Вслед за славянофилами Леонтьев считал очевидным факт разложения культуры романо-германской, то есть европейской в общем смысле. Следовательно, как он полагал, на смену ей должна прийти другая – «славяно-восточная», содержащая в себе идеи «византизма» (самобытной культуры с ярко выраженными отличительными признаками, среди которых – православие, самодержавие и оригинальная эстетика). С этим была связана попытка разработать цельную концепцию такой культуры, информацию о которой возможно почерпнуть только в переписке, так как в опубликованных работах Леонтьева содержались лишь намеки на нее.

Во-вторых, на основе указанных теоретических построений и под влиянием первых лет новой внутривосточной линии Александра III Леонтьев разработал концепцию гептастилизма (или анатолизма), которая подразумевала формирование нового «славяно-восточного» культурно-исторического типа с центром в Царьграде. Данная концепция излагалась исключительно в переписке. В отличие от идеи Данилевского, предполагавшей объединение славян в «полноосновную» культуру, состоявшую из четырех основ, леонтьевская вариация сводилась к появлению семиосновной культуры, которая включала бы в себя Сербию, Болгарию, а также Грецию, Румынию, Персию и Турцию и имела бы развитыми столпы – религиозный, политический, юридический, философский, бытовой, художественный и экономический.

В-третьих, гептастилистская утопия Леонтьева претерпела серьезный кризис после критики Соловьевым теории Данилевского в статье «Россия и Европа», вышедшей в феврале 1888 г. в журнале «Вестник Европы», где опровергались надежды на культурное созидание и утверждалось, что русская культура является европейской. Впоследствии Соловьев утверждал, что у России имеется только религиозное призвание – осуществить объединение Восточной и Западной церквей при главенстве папы. Все это заставило Леонтьева обратиться к осмыслению различных вариантов российского будущего и подвергнуть основательному переосмыслению содержание идеи гептастилизма.

В-четвертых, во взглядах позднего Леонтьева существовало четыре варианта будущего России. К первому относились прежние надежды на создание новой культуры, причем количество основ мыслитель переосмыслил и сократил. Второй подразумевал реализацию «религиозного призвания», то есть объединение Западной и Восточной церквей, о чем писал Соловьев. Для филокатолика Леонтьева такой исход не выглядел абсолютно неприемлемым. Третий вариант представлял собой установление в России «социалистического феодализма» («монархического социализма»), что

позволило бы отсрочить исторический финал в лучшем случае на несколько столетий, чтобы русская государственность благодаря этому дожила положенный ей срок. Четвертый вариант был исключительно эсхатологическим и предполагал окончательное, всемирное «вторичное смешение» – своеобразный «за-такт», четвертый этап процесса «триединого развития».

В-пятых, как показывает анализ корреспонденции Леонтьева второй половины 1880-х – начала 1890-х гг., Соловьев не убедил его в полнейшем отсутствии перспектив формирования оригинального культурно-исторического типа, и Леонтьев продолжал рассматривать созидательный путь в качестве перспективного. В своей корреспонденции он неоднократно указывал на то, что в «культурный идеал» необязательно верить, но желать его осуществления ничто не мешает. Вместе с тем в этот период основной упор мыслитель стал делать на «подмораживании», направленном на удержание наступления последней фазы всемирного смешения.

В-шестых, вопреки мнению Леонтьева, который свел мысли Достоевского об «окончательной гармонии» к абстрактному гуманизму и отказался видеть в «Пушкинской речи» апокалиптический подтекст и скрытый хилиазм, исследование показывает обратное: своеобразный комплекс хилиастических воззрений действительно существовал у Достоевского, однако не выражался явно. Соловьев тоже стал полноценным участником данной полемики, выступив на стороне Достоевского, которого он защищал от обвинений к приверженности «розовому христианству», настаивая на мистическом содержании идей «Пушкинской речи» и их глубоком укоренении в православном вероучении, несмотря на то что знал о миллениаристских симпатиях писателя. Вплоть до своей смерти Леонтьев возвращался к этому спору и указывал на несоответствие мыслей Достоевского православию, ссылаясь на Священное Предание и на высказывания оптинского монашествовавшего духовенства.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Основные положения и выводы диссертации отражены в следующих публикациях:

Публикации в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В.Ломоносова по специальности и отрасли наук:

1. *Михайлов А.С.* «Социалистический феодализм» и «русский “социализм”»: аспекты полемики К.Н. Леонтьева и Ф.М. Достоевского // Клио. 2024. № 1 (205). С. 107–117 (1,44 п.л.). EDN: COACWX. Импакт-фактор 0,108 (РИНЦ).
2. *Михайлов А.С.* К.Н. Леонтьев о церковном устройстве // Клио. 2025. № 2 (218). С. 283–289 (1,04 п.л.). EDN: RCQDFX. Импакт-фактор 0,108 (РИНЦ).
3. *Михайлов А.С.* Симптомы «вторичного упрощительного смешения» в историософии К.Н. Леонтьева // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 4. С. 20–39 (1,52 п.л.). EDN: FDNFRN. Импакт-фактор 0,305 (РИНЦ).
4. *Михайлов А.С.* Футурологические сценарии в историософии К.Н. Леонтьева // Христианское чтение. 2025. № 1. С. 201–211 (1,62 п.л.). EDN: EYIXLS. Импакт-фактор 0,312 (РИНЦ).